

Alfried Längle:

Existential Analysis in Action: Phenomenological Encounter and Psychotherapy. An Introduction and Therapy Demonstration.

Vancouver: Univ. British Columbia, Psychol. Departement in cooperation with Canadian Research Institute of Spirituality and Healing (CRISH).

Transcription of a video demonstration, October 18, 2007

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ.

Данный перевод осуществлен с видеозаписи демонстрации А. Лэнгле терапевтической работы с одним из участников экзистенциально-аналитической образовательной программы в Канаде. Запись была произведена 18 октября 2007 года в Канадском исследовательском институте Духовности и Лечения в Ванкувере после доклада А. Лэнгле «Экзистенциальный анализ в действии: феноменологическая встреча и психотерапия»¹.

Терапевт: Очень рад представить вам Броуза. Неправда ли, он по-настоящему отважный человек. Я хочу, чтобы вы поприветствовали его аплодисментами. Пожалуйста, поприветствуйте его вместе со мной. Спасибо, спасибо. Я уже знаю тебя, полагаю, какое-то время.

Броуз: Думаю, на сегодняшний день, около трех лет.

Т: Но я буду сейчас вести себя так, как будто бы я тебя не знаю. Да? Я не знаю ничего, потому что я - феноменолог.

Б: Да, да, да.

Т: И что бы ни было для тебя важным, ты можешь об этом говорить.

Б: Полагаю, ты знаешь Лэнгле лучше меня.

Т: Возможно. Не хотел бы ты рассказать нам немного о себе, или ты – Броуз, и этого достаточно...

Б: Я Броуз, я из района Рейнфорд в Онтарио, но сейчас я работаю в Ванкувер Айленд семейным терапевтом.

Т: Ага.

Б: И я воспринимаю это, как возможность поговорить с тобой о том, что преследовало меня большую часть моей жизни. Для меня это очень большая возможность.

---

¹ Видеозапись можно увидеть на сайте института. Email: info@crish.org

Т: Да. У тебя есть какие-нибудь ожидания по поводу этого разговора или по поводу того, что должно происходить.

Б: Ожидания?

Т: Ожидания, да. Или хорошо, просто говорить об этом.

Б: Полагаю, на данный момент, хорошо, просто говорить. Я всегда открыт для приобретения нового понимания, и для того, чтобы благодаря этому пониманию лучше принимать жизненноважные решения. И сейчас хорошо было бы просто говорить.

Т: Спасибо за твою открытость.

Б: Пожалуйста.

Т: Что-то может произойти сейчас благодаря нашему диалогу. И так, мы можем начать?

Б: Да, именно.

Т: Можем... Ты уже сказал что-то очень важное. Ты уже сказал, что ты бы хотел поговорить, воспользоваться этой возможностью - поговорить. Ты воспринимаешь это как возможность.

Б: Да.

Т: Поговорить о чем-то, что беспокоило тебя большую часть твоей жизни.

Б: Я бы сказал, пока я себя помню.

Т: Пока ты себя помнишь. Это очень давняя проблема... до сегодняшнего дня.

Б: До сегодняшнего дня...

Т: Я не хочу, чтобы это заставило тебя ужаснуться, но...

Б: Да, эта проблема намного старше, чем большинство здесь присутствующих и даже старше чем профессиональный опыт некоторых из них.

Т: Хорошо. Давай попытаемся понять это и увидеть, что это такое. Можешь дать нам или мне какую-то информацию? И я знаю, что когда мы говорим, на первом месте для меня ты, как Person. И чтобы ни случилось, мы не вторгаемся, и необязательно говорить обо всем. И если не уместно обсуждать что-то в присутствии других людей, мы прервемся. И ты всегда можешь решить, остановиться тебе, или сказать, или оставить это при себе.

Б: Спасибо.

Т: Твоя конфиденциальность и твоя защита на первом месте.

Б: Да.

Т: Может, ты что-то переживал в течение года, и считаешь возможным поделиться этим с нами, потому что это так по-человечески, или это известно многим другим людям, или это нормально для тебя, - что-то, что ты можешь просто показать, поделиться. Для меня это прекрасно.

Б: Я думаю, некоторым образом, это что-то, о чем я часто думаю, что я... Есть что-то, что дает повод для размышлений, и я понимаю, что в этом надо разобраться. И потом что-то случается, как этим утром: кто-то задает вопрос, и предмет вопроса специфический – о признании. Чувствовали ли вы когда-нибудь, что вас признают? Что вы чувствуете, когда получаете признание? Были ли значимые люди в вашей жизни, от которых вы не чувствовали признания или не видели, что вас признают? И пока ты говорил, я начал погружаться очень глубоко внутрь себя, и там давно, давно я увидел маленького, маленького мальчика, постоянно чувствующего себя больным, отделенного от всего и абсолютно уверенного в том, что он не может быть признан. У меня есть история усыновления. Усыновления в доме, где никак не демонстрировалась, не выказывалась любовь, и где, как позже открылось, на самом деле и не было любви. На основе опыта с моей мамой бухгалтером, с моей приемной мамой-бухгалтером, я обнаружил, что то, что я на определенном уровне, на уровне первоначальной заботы, усвоил, будучи ребенком, было очень точным, потому что она работала в бухгалтерии: на основании чего я должна любить это дитя любви? Это та вещь, которая, как я полагаю, давно во мне резонирует. И на многие годы она повлияла на мою способность вступать в отношения с этим миром.

Т: Да, это очень, глубокий опыт и очень глубокое познание в твоей жизни. И очень болезненный опыт. Это было больно?

Б: Это любопытно. Да. Да. В большей степени, каким-то странным образом, я думаю, знаешь, как собака идет с вот такой головой (показывает, наклонив голову) за окликом человека. Это не имело для меня смысла. Я не мог понять.

Т: О-о-о...

Б: Я был ребенком, который приходил домой с лучшими отметками в школе, я учился в лучшей школе Витни, и этого никогда не было достаточно, не казалось важным моей матери. Конечно, оглядываясь назад, осуществляя своего рода взрослую ретроспекцию, я могу вернуться в прошлое и увидеть, что это можно было получать от моего отца, но я был слишком занят, ища этого у матери. И думаю, что это своего рода основообразующее чувство "не быть признанным" в большей степени, чем вопрос, получил я признание или нет (это не совсем правильное слово, правильнее будет сказать преемником, фаворитом) имело очень сильное воздействие на то, как я проводил свою жизнь в течение многих лет, потому что я провел 17-18 лет в глубокой зависимости, и это захватило большую часть моей жизни и многие жизни вокруг меня.

Т: Слушая тебя, из этого насущного опыта, здесь есть фокус, смотри: ты не получил любви от своей матери. Ты мог получить любовь отца, но ты искал любви матери. Ты поднимал глаза и ждал этой любви, но не находил ее. И это было действительно очень большим потрясением в твоей жизни многие, многие годы. И если это так, то помочь может то, что мы ближе посмотрим на твои отношения с матерью.

Б: Абсолютно верно.

Т: У тебя есть другие идеи, еще что-то, что может оказаться важным? Я понял так, что это сосредоточено на твоих отношениях с матерью.

Б: Именно так. Во многом, я думаю, это было потому, что... В моей маме было много того, за что я ее очень сильно уважаю: она пережила депрессию, выжила во Второй мировой войне, она в течение года работала медсестрой, перенесла рак.... была очень требовательна со мной - просто много такого, что я ценю в ней, она была очень, очень мужественной. И в тоже время, я обесцениваю своего папу. Он не работал, был человеком со слабостями, насмешник, шутник, совсем не глубокомысленный. Что касается моей мамы, всегда мне казалось, что она была тем человеком, от которого мне хотелось получить одобрение и признание. Но в действительности я этого не получал. И как я вижу, через всю мою жизнь, я потом начал компенсировать, и это была негативная, малопродуктивная компенсация, не только посредством зависимости, но и за счет привлекательности или своего рода

благополучия для того, чтобы был кто-то, кто любит меня, чтобы я видел, как это. И если они делать это не могли ради моего удовлетворения, я давал им отставку. Я как будто бы увольнял их за провал. Вот так.

Т: Очевидно, что тебя заботил этот опыт бытия любимым, эта нехватка, этот первый опыт бытия любимым с твоей матерью, ты искал этого в других людях. И ты сказал, да, твой ответ, который потряс меня – это различие, которое ты проводишь между отцом и матерью: ты не слишком высоко оцениваешь отца, но очень высоко оцениваешь мать. Таким образом, любовь матери тебе важнее любви отца.

Б: Да.

Т: Это из-за разницы в оценке между твоим отцом и матерью или из-за чего-то другого? Я просто спрашиваю, почему ты получал достаточно любви, которую ты не принимал, и искал другой, которой не обнаруживал. Почему так получилось?

Б: Некоторые сказали бы, что это обычное дело. Это какой-то мой сложный способ поведения, которым я пользуюсь. Это невозможно...

Т: Что-то характерное для тебя?

Б: Видимо так. Это нелегкий способ...

Т: Нелегкий способ.

Б: Нелегкий способ, да.

Т: Это также может быть следствием первого опыта. Ты в этом неуверен. Может быть так. И в то же время на это можно смотреть открыто. Может быть и по-другому. Ты искал любви матери. Почему это было так важно для тебя, важнее любви отца?

Б: Потому что я провел с ней намного больше времени. Не знаю, мне нужно больше времени, чтобы подумать об этом в данном ключе. Для начала, может быть, потому что она была так больна и могла умереть в любой момент. Я думаю (я просто ищу объяснение), я ожидал чего-то похожего. Этот человек мог уйти в любой момент. Моей биологической матери со мной не было, она ушла. Приемная мать тяжело больна, держит себя на дистанции. Я думаю, ты знаешь что, я думаю, я просто хотел, в буквальном смысле, прислонить к чему-нибудь голову, найти для

нее какое-то место и чувствовать, что все в порядке. И это всегда, всегда было в силе.

Т: Мг. Здесь не только то, что ты больше уважал свою мать, здесь еще и ее присутствие. Ты проводил с ней много времени. Опасность потерять ее опять, во второй раз потерять мать, потому что она была так больна, что она могла уйти... и умереть.

Б: Что, что она умрет.

Т: Что она умрет.

Б: Что-то вроде страшного сна, это был страшный сон.

Т: Страшный сон.

Б: На протяжении, примерно, восьми лет мне снился страшный сон между пятью, возможно, тринадцатью годами. Я иду домой в Рейнфорде в Онтарио в 79 году. Я открываю дверь, там мои родители, и я знаю, что это не мои настоящие родители, они выглядят как они, но я знаю, что это не они. Я поднимаюсь по лестнице, зажигаю свет, но свет не появляется, и я знаю, что я в кошмаре. Ужасающая тьма, ощущение чьего-то угрожающего присутствия, - что никогда не происходило в реальности.

Т: Так, я не совсем понял, ты поднимаешься, ты зажигаешь свет...

Б: Он не загорается...

Т: Он не загорается и потом?

Б: И потом люди там внизу, которые выглядят как мои родители, поднимутся и причинят мне боль.

Т: И причинят тебе боль?

Б: И я знал, ты знаешь, я знал, я до сих пор помню сон, я знал, как только я подходил к двери и открывал ее, и они были там и улыбались, я знал, что они не настоящие мои родители.

Т: Мг. Этот сон, о чем он рассказал тебе, как ты его понял?

Б: Что я был совсем одинок в этом мире.

Т: Совсем одинок?

Б: Да. Все время в опасности.

Т: Все время в опасности? Что это говорит о твоих родителях?

Б: Они были фальшивыми, они не были настоящими.

Т: И что этот сон говорит тебе о тебе самом.

Б: Я думаю, он рассказал мне, в каком страхе я сейчас. Я должен позаботиться о себе, потому что отступать некуда.

Т: И если ты представляешь себе картину, в меньшей степени размышляя об этом, если ты представляешь картину, которую показывает тебе сон: ты приходишь домой, ты видишь людей, которые выглядят как твои родители, ты видишь своих фальшивых родителей – что ты делаешь?

Б: Я просто поднимаюсь вверх. И я, хотя в основе была надежда, что это они, но я знал, знал в этом сне, что они ненастоящие.

Т: Это удивительно! Ты имеешь такое глубокое, ясное знание! Ты знаешь даже во сне: они не мои настоящие родители. И это сопровождало тебя даже во снах! И что ты делаешь затем? Ты смотришь на них, зная, что именно ты видишь, или ты знаешь заранее, что ты опять увидишь, и потом, что ты делаешь в твоём сне?

Б: Я уйду...

Т: Ты поднимаешься в свою комнату.

Б: Где я провел много времени...

Т: Где ты провел много времени...

Б: Своей жизни, да.

Т: Итак, ты оставил своих родителей, ты поднимаешься к себе, в свою комнату. И что происходит?

Б: Я и там не могу быть в безопасности. Дальше происходит то, что... я и раньше просыпался от ночных кошмаров, и всегда была возможность включить свет. Просто в воображении, во сне есть единственная вещь, которая может спасти и которую можно пустить в ход. Это и пугало меня во сне. Не то, что мои поддельные родители поднимутся и сделают мне больно, а то, что свет не включался, потому что свет для меня что-то означал, безопасность...

Т: А что еще? Ты поднимаешься в свою комнату и затем пытаешься зажечь свет, но свет...

Б: Не включается...

Т: Не включается.

Б: И меня охватывает ужас, до сих пор могу его переживать.

Т: Ужас.

Б: Ужас. Как и сейчас.

Т: Я остаюсь во тьме. Это ужасно. И мои фальшивые родители внизу. И ты чувствуешь этот ужас вплоть до этого мгновения?

Б: Я могу чувствовать его и сейчас.

Т: Какое это чувство?

Б: Физиологически?

Т: Как бы ты мог описать его?

Б: Я перестал вздыхать где-то десять минут назад. Дыхание сильно затруднено, пережато. Сердцебиение, я сжимаюсь, уменьшаюсь в этом пугающем мире. Когда никого нет, я становлюсь агрессивным.

Т: Но до того как ты становишься агрессивным, ты чувствуешь физические процессы: твое сердце, дыхание.

Б: Верно, верно.

Т: Это сковывает тебя? Как это? Как ты переживаешь этот ужас?

Б: Тяжело, иногда я как замерзший, беспомощность, нет свободы, нет. Нет выхода.

Т: И ты чувствуешь... Если я продолжу это чувство, оно делает меня агрессивным. Мне надо разрушить что-то или...

Б: Сломать.

Т: Сломать.

Б: Сломать.

Т: Сломать.

Б: Это то, что я хотел сделать со сном, это то, что я из него вынес.

Т: Если ты согласишься теперь на это чувство, на это ужасное чувство, возможно ли для тебя оставаться с ним дольше и говорить?

Б: Вполне.

Т: Ты можешь удерживать его?

Б: Когда я отброшу тебя на третий ряд, это будет означать, что мы зашли слишком далеко.

Т: Ты знаешь, что я не хочу, чтобы мы делали что-то, что может тебя ранить.

Б: Нет-нет, я в порядке.

Т: Мы просто пытаемся обнаружить, быть с этим чувством, впервые вместе, мы вдвоем, я с тобой.

Б: Хорошо.

Т: Побыть с этим чувством или поработать над ним, или понять его иначе, чем раньше. До этого разрешением всегда была агрессия, разрешением в действие...

Б: Да.

Т: Теперь мы впервые пытаемся понять, что хотело тебе сказать это устрашающее чувство, разрешить это чувство. И теперь мы знаем из этого чувства, что оно означает, отсутствие свободы, тяжелое чувство, замораживающее чувство, беспомощность.

Б: Да.

Т: Пассивность. Ты чувствуешь себя пассивным в своей беспомощности. Это правильное описание этого чувства?

Б: Да, абсолютно.

Т: Или есть что-то еще?

Б: Маленьким.

Т: Маленьким. Я бы хотел про... **это было началом, я говорю, чтобы объяснить немного, что мы делаем,**

Б: Да

Т: **...персонального экзистенциального анализа. Это было вступлением в первый шаг персонального экзистенциального анализа – феноменологического метода, которому я буду учить позднее. Я бы хотел продолжить его и задать тебе следующий вопрос на следующем малом шаге.** После взгляда на это чувство, если ты удерживаешь в себе это чувство, это ужасное чувство, эту потерю свободы, эту тяжесть, эту беспомощность, что за импульс, что за реакция вырастает? Ты уже описал агрессивную реакцию, которую ты используешь как нормальную для тебя реакцию на это чувство, которая у тебя есть. Если ты помотришь на него теперь, благопристойным образом, имея достаточно времени и удерживая свое чувство, какой импульс поднимается, что бы это могло

быть, что бы тебе хотелось сделать, что тебе ближе всего, как вести себя, реагировать, поступать?

Б: О, я бы хотел позвать на помощь.

Т: Позвать на помощь.

Б: Я бы не хотел быть с этим чувством один на один.

Т: Да, тебе бы хотелось, чтобы был кто-то, кто бы мог тебе помочь.

Б: Да.

Т: И так как у тебя этого не было, ты все это время становился таким агрессивным. Ты снова переживаешь в этом ужасном чувстве это одиночество, это пфу-у-у (выдыхает), и для себя самого ты совершенно один в мире.

Б: Мг.

Т: Я действительно сейчас очень тронут этим образом, этим сном, этим переживанием, которое сопровождало тебя на протяжении стольких лет твоей жизни проявилось восемь лет в виде сна, и продолжалось, показывая тебе твою экзистенциальную ситуацию. Такое одинокое существование! И с этим ужасающим чувством тебе бы хотелось кричать о помощи, но ты даже не звал на помощь, потому что знал – никого нет, только мои фальшивые родители внизу. И если они придут, то причинят мне боль. И это ужасающее чувство было даже хуже, чем отсутствие настоящих родителей. Оно было хуже. Как ты уже сказал, для тебя было не столь мучительным, что это ненастоящие родители, более мучительным было наличие этого ужасающего чувства. Потому что это ужасающее чувство как будто бы показывало или указывало тебе на эту болезненную проблему – быть в таком одиночестве.

Б: Да. И это одиночество длилось, длилось и длилось. Знаешь, когда на спортивных соревнованиях забивали гол, могущий принести победу, все радовались, а я оставался в стороне. Все шли в одну сторону, а я в другую. И я думаю, на основании этого я заключал, что это я отчужден, а не мои ненастоящие родители. И это я присутствую здесь как наблюдатель. И как наблюдатель соединяюсь с этим миром. Непроизвольно.

Т: И так, это жестокое одиночество, я выразил это именно таким словом. Это и для тебя верно – жестокое одиночество? Мне оно представляется жестоким, безжалостным. Как бы ты сказал?

Б: Непостижимое.

Т: Непостижимое одиночество.

Б: Это просто не имело смысла, снова и снова я кричал. Я просто хотел быть хорошим мальчиком, потому что я думал, что если буду им, то все остальное тоже будет хорошо. Жестокое – я не знаю, то ли это слово, просто я не понимаю этого, это не имеет для меня смысла.

Т: Ты не можешь понять этот мир?

Б: Нет, не могу.

Т: Именно это послание ты получил благодаря этому ужасающему чувству - что ты совершенно один?

Б: Мг.

Т: Один-одинешенек.

Б: Мг.

Т: Всегда и навсегда.

Б: Да.

Т: Это делает его таким ужасным, это чувство.

Б: Да, потому что все вокруг, казалось, вместе.

Т: Да. А ты был один?

Б: Мне казалось, что у всех остальных это было. Казалось, все остальные смеялись, занимались семейными делами, друзья оберегали друг друга и понимали друг друга. Казалось, весь остальной мир защищен связностью, как веревкой. И они знали, что у них есть пара, а у меня просто не было пары.

Т: Ты сказал, что не встречал никакого понимания. Почему так было?

Б: Почему? Нет, я не знаю почему.

Т: Ты знал в то время, что был усыновлен?

Б: Всегда знал. Это была одна из тех вещей, которую приемные родители сообщили мне с самого начала. Не было такого, чтобы я не помнил, всегда я помню себя приемным ребенком. Я не знаю обстоятельств усыновления. Конечно,

интересным парадоксом для меня было, что приемная мать, когда мне было девятнадцать, дала мне файл, который должен был снабдить меня информацией о моей биологической матери. У нее была информация для меня, чтобы меня информировать. Но я сказал, ей взять его и сжечь, потому что в файле не было того, чего я от нее хотел.

Т: По-моему, это тоже сложная проблема – с этим опытом, с этими ужасными чувствами, с той информацией, которая в них содержится, феноменологической информацией, что я абсолютно одинок, и отсутствие понимания этого. Твои папа и мама ничего не рассказывали тебе более подробно, чтобы ты мог понять, почему ты так одинок. Есть ли у тебя какие-нибудь мысли, объяснение, какое-либо понимание, почему твои родители кажутся фальшивыми. Ты знал, что они не биологические родители, но...

Б: Это интересно, потому что мой отец с самого начала был прекрасным рассказчиком. Он рассказывал истории о Глазго, он ездил туда, о вещах которые он там делал, о второй мировой войне. И я всегда чувствовал себя так, как будто бы просто слушал чью-то историю, но у меня не было связанности с ней. Нет. Я мог видеть связанность. Мой дядя, его брат - у него она была. Я видел свою мать, сопереживающую рассказу, но я – нет. Это не означает, что рассказ меня не развлекал. Просто, он не был обо мне. Конечно, когда мне было около двенадцати, я был высоким, лицо все в прыщах, а отец - красивый, не большого роста. В общем, отчасти, все это простая биология. Когда я приходил домой, не было того, к чему я приходил. Как смотреть семейные фотографии на стене, не имеющие для меня значения. Были ли они чем-то похожи на меня?

Т: Это означает, что твое существование основано на отсутствии истории и отсутствии корней. И ты переживал это так глубоко.

Б: Да. Я имею в виду именно это слово, оно - аисторично.

Т: Оно аисторично?

Б: Оно аисторично.

Т: И когда твой отец рассказывал истории о Глазго и прочем, это не было твоей семейной историей.

Б: Нет.

Т: У тебя не было никаких внутренних отношений с ними. Это было забавно или отвратительно, но для тебя это не было семейной историей.

Б: Нет.

Т: Это оттого, что ты не хотел воспринимать это как семейную историю, потому что не хотел иметь ничего общего со своими родителями? Помнишь ли ты, есть ли у тебя какое-то чувство, есть ли у тебя какое-то понимание этого? Это было что-то вроде твоего сопротивления, или по твоим ощущениям в большей степени это они вели себя так, что ты не мог воспринимать их как родителей? Или это была травма из-за того, что они так рано сообщили тебе о том, что ты приемный?

Б: Нет, нет. Я думаю, ничего такого... Я имею в виду, нет ничего в мире, чего бы мне так ни хотелось, как их любви. Они были хорошими людьми.

Т: Но ты сказал, что твой отец любил тебя.

Б: Я вижу это сейчас.

Т: Сейчас, да, но почему?

Б: Я не видел тогда.

Т: Почему? – Вот вопрос. Я думаю, в этой точке мы закончили со сном. И сон показал твою ситуацию как очень страшную. И центральной темой представляется история усыновления. Усыновление было чем-то, что, очевидно, ты не преодолел. Ты искал любви родителей. И до сегодняшнего дня ты знаешь, что тебе бы хотелось иметь в качестве самой важной вещи в твоей жизни родительскую любовь...

Б: Мг.

Т: И теперь ты знаешь, что со стороны отца ее было достаточно, но со стороны матери – нет. И ты ожидал любви матери. Ее совсем не было?

Б: Нет. От моего отца что-то было. Было ли что-то от нее? Нет.

Т: Давай рассмотрим немного твой опыт с матерью.

Б: Мг.

Т: Когда ты смотришь на нее, держа перед глазами, когда ты вспоминаешь ее, при взгляде назад в те времена, как ты ощущаешь ее присутствие? **Опять Персональный экзистенциальный анализ на первом шаге, чтобы обнаружить**

или описать персональный опыт. Как ты чувствовал себя в ее присутствии? Как тебе с ней было? Холодно или тепло...

Б: Холодно.

Т: Весело?

Б: Недоброжелательность, пессимизм. По-настоящему, пессимистично. Ни каких празднований. Этого действительно не было. Я имею в виду искреннюю доброжелательность. Ни тогда, ни - потом, никогда - "я тебя люблю", никогда никакого физического контакта. Нет.

Т: Это причиняло тебе боль?

Б: Немного. Я думаю, это запрято во мне.

Т: Потому что у тебя есть впечатление, что ты никогда не получишь это?

Б: Что не удерживало меня от попыток. Я не знаю, это почти стало упрямством с моей стороны.

Т: Ты чувствуешь себя одиноко, или просто – холод...

Б: Иногда, иногда. Если бы кто-то заходил в мою спальню, чтобы посмотреть, и делал это снова и снова, что я делаю, что здесь происходит, встал ли я. Я не знаю, как это описать. В то же время, на протяжении всей этой изоляции никогда не было такого, чтобы я хотел быть кем-то, кроме самого себя, однозначно, просто собой, совершенно без прикрас, как есть.

Т: Это прекрасно! Все в порядке. Ты хотел быть самим собой, но в присутствии матери был только холод, доброжелательность, пессимизм. Если бы я был на твоём месте, у меня бы было такое чувство, как будто бы меня медленно убивают. Я не знаю, имеет ли это для тебя смысл, соотносится ли это с твоим опытом, но для меня, возвращаясь каждый день из детского сада, школы и тому подобное, просто, приходя домой, или находясь здесь, есть и чувствовать вновь и вновь эту холодность, пессимизм, - я ощущаю это как что-то убивающее меня изнутри. Может, для тебя это не так, но для меня это было бы именно так.

Б: Абсолютно верно. В шестнадцать лет я ушел из дома, и дверь за мной захлопнулась навсегда. Получил работу и распрощался.

Т: Это было как спасение себя.

Б: Да.

Т: Но ты, конечно, не был готов эмоционально к этой жизни.

Б: Нет.

Т: Но в некотором смысле у тебя в то же время было это удивительное чувство: я хочу быть собой, и я счастлив, что я есть. Это очень сильное чувство. Это какое-то чудо, что оно у тебя было. Хотя у тебя не было любви, этого первого опыта, этой поддержки, этой опеки, но ты был, можно сказать, в хороших отношениях с самим собой.

Б: Более-менее, да.

Т: Более-менее.

Б: Более-менее, да.

Т: Но это ядро отношений не было задействовано, расширено, укреплено любовью других. Так можно сказать?

Б: Да, можно. И тогда, в течение тех лет я спрашивал себя об этом.

Т: Тогда – во времена зависимости?

Б: Зависимости. Когда я употреблял наркотики, я спрашивал себя об этом, глядя на других и удивляясь, что возможно опуститься до того же уровня, что и я, как этого человека можно любить? Это похоже на то, как если бы я начинал вести себя как человек твоей профессии. Это было небольшое пространство внутри, которое спасало меня. Мое чувство юмора. То, что, несмотря ни на что существовало во мне, никогда не уходило.

Т: Это твой внутренний ресурс бытия Person. Это пространство, которое осталось неизменным, нетронутым никакими обстоятельствами, и интимность с самим собой, которая является ядром меня, как Person. Ты прекрасно описал ее. **Хорошо, говоря об этом (просто для того, чтобы продолжить)... потому что теперь мы смогли больше поработать с чувством одиночества, связанном с матерью, и, конечно, мы обнаружили, мы описали его теперь как что-то, что, возможно, медленно разрушало твое развитие, но не до конца, потому что в ядре всегда что-то оставалось. Сначала оно было даже больше, но уменьшилось. Мы могли бы теперь взглянуть на твои действия, твое поведение в связи с этим, как ты обращался с этим, твое понимание этого и все больше и больше восстанавливать твои персональные возможности.**

Теперь у нас есть основание. У нас есть этот базис – мы знаем, что произошло. И это чудо, что ты не был разрушен полностью. Мы знаем, что произошло, и как это было. И осталось что-то, что помогло тебе выжить, восстановить самого себя много лет спустя. Это ядро может быть твоей сущностью и секретом восстановления после стольких лет зависимости, того, что такое оказалось возможным. В сохранности осталось спрятанное ядро, это сокровище.

Б: Спасибо за это.

Т: Да, это дар. Ты работал над ним, ты был умным, ты понимал, ты понимал очень, очень хорошо, что происходит. Ты сказал, что ты, в некотором отношении, смотрел с изумлением на своих родителей. Ты знал, что они не настоящие твои родители. Ты, на самом деле, и не был ими введен в заблуждение, потому что ты видел, что они не были способны...

Б: Правильно.

Т: Это было как существование на различных уровнях. Ты так много понимал, но, в то же время так много упускал в эмоциональном отношении. Но это показывает, что ты обладал большими способностями уже, будучи ребенком. Как это было для тебя, разговаривать таим образом?

Б: Сейчас восхитительно. Я имею в виду, что теперь я совсем успокоился.

Т: Ты успокоился.

Б: Да.

Т: А как твое ужасающее чувство?

Б: Отдалилось. Диалог с ним интегрировал меня.

Т: Можешь ли ты определить более конкретно, что интегрировало тебя в таком диалоге?

Б: Встреча.

Т: Встреча.

Б: Потому что в течение десяти минут я был просто вдвоем с тобой. И благодаря этому я знаю, чему я принадлежу. Я скорблю.

Т: Диалог, настоящий персональный диалог обладает таким потенциалом, целебным потенциалом.

Б: Абсолютно.

Т: Просто, знание того, что кто-то со мной и способен быть со мной без того, чтобы давать мне какое-то направление, просто видеть меня и чувствовать вместе со мной, и делиться со мной своими чувствами. Я понимаю это как что-то сильное, помогающее.

Б: Спасибо.

Т: Да. Спасибо тебе за твою открытость, и что поделился такой важной частью своей жизни, и за твое страдание, твою историю и твое постоянное преодоление страдания, которое меня потрясает больше всего. И за то, что было найдено это ядро, это сокровище. Оно было там на протяжении всей истории твоей жизни.

Б: Совершенно верно.

Т: И даже до того, как ты был усыновлен, может быть, оно уже было там. И ты всегда был счастлив, быть самим собой.

Б: Да.

Т: Это чудо, спасибо за это.

Б: Спасибо большое.

Т: Спасибо.